

В первый день приёма гостей Цзин Хун выступила с танцем, привлекая всеобщее внимание. Всего один танец вызвал восхищение, и гости ликовали. В то же время многие завидовали удаче Её Высочества Синьян, которая обрела такую прекрасную подругу.

После той ночи дела в Башне Плывающих Облаков пошли ещё лучше. Цзин Хун затмила Ло Юэ, став настоящей сенсацией в городе Лоян, о которой говорили за чаем и едой.

Синьян, как обычно, каждые несколько дней навещала Линь Сы. Она открыто входила через главные ворота, и под проводничеством Чжао Цзюнян направлялась прямо в Башню Весны. Чанлэ, находившаяся на втором этаже и слушавшая игру девушек на музыкальных инструментах, услышав о её прибытии, поспешила в Башню Весны, чтобы посмотреть на шоу.

Когда она пришла, Чжао Цзюнян стояла снаружи. Она сделала два быстрых шага и преградила Чанлэ путь:

— Ваше Высочество, вам, пожалуй, нельзя войти. Её Высочество Синьян внутри, не беспокойте её, иначе мы не сможем сдержать её клинки.

— Я просто зайду посмотреть. Она только что вошла, неужели так быстро разделась и легла на кровать? Я просто хочу посмотреть на танец госпожи Цзин Хун, взгляну пару раз и уйду.

Чанлэ стояла у двери, не уходя. Она приходила сюда много раз, но никогда не видела, чтобы Чжао Цзюнян стерегла дверь.

Стоять у двери — это не то, что обычно делает старая мадам Башни Плывающих Облаков. Синьян получала не так много жалования, чтобы тратить его на такие развлечения. Увидеть Цзин Хун было несложно, но как заставить Чжао Цзюнян стеречь дверь?

Чжао Цзюнян, проработавшая в Башне более десяти лет, встречала самых разных людей — от членов императорской семьи до нищих, и могла легко угадать их намерения.

— Ваше Высочество шутите. В Башне все гости, и действует принцип «первым пришёл — первым обслужен». Если вы хотите увидеть Цзин Хун, придётся подождать до завтра.

Это было правилом в мире публичных домов: не тот, кто больше платит, а тот, кто пришёл первым.

Чанлэ, проведшая столько лет в подобных местах, знала это правило. Сделав два шага у двери и глядя на стандартную улыбку Чжао Цзюнян:

— Значит, ты будешь стоять здесь всю ночь?

— Что вы, как я могу стоять всю ночь? Как только вы уйдёте, я тоже уйду. Просто боюсь, что никто не сможет вас остановить.

Чжао Цзюнян поклонилась, сохраняя вежливость.

Чанлэ пришлось уйти. Синьян, наблюдавшая за этим сверху, направилась внутрь, открыла дверь в ванную, где на кресле-коляске сидел человек.

Линь Сы, половина тела которого была парализована, с трудом повернул кресло:

— Ваше Высочество, сегодня вы пришли раньше обычного.

Синьян приходила через определённые промежутки времени, не для чего-то конкретного, а чтобы расспрашивать о личности Линь Жань. Линь Сы держался стойко, и сколько бы её ни спрашивали, не выдавал ни слова.

— Ничего не делаю, вот и пришла.

Синьян села на свободное место, сохраняя дистанцию с Линь Сы, но при этом могла видеть изменения в его выражении лица.

— Ваше Высочество, похоже, в последнее время у вас много свободного времени. Всё спокойно при дворе?

Линь Сы поднял голову, его лицо было бледным, словно он долгое время не видел солнца, живя во мраке.

Синьян ответила:

— Ваше Величество хочет изменить название династии, многие втайне интригуют. Наследный принц тоже, Су Чланлань затворилась для размышлений, вот я и нашла время. Я вдруг вспомнила кое-что и пришла спросить: кто дал Линь Жань её детское имя?

— Детское имя Линь Жань? — Линь Сы был озадачен. Личность Линь Жань была полностью выдумана Линь Фаном. Что касается детского имени, он не помнил. Имя «Линь Жань» дал Линь Фан, а детское имя, вероятно, дала Ло Цин.

Когда они передавали ребёнка на воспитание, Ло Цин, глядя на него, сказала: «Она, как хотела А-И, очень послушна. За эти дни я не слышала, чтобы она плакала. Пусть её зовут Сяо Гуай, а когда она попадёт к Линь Фану, он даст ей официальное имя».

Сяо Гуай — это имя, должно быть, дала Синьян.

Он резко очнулся от воспоминаний, и его глаза выдали его тревогу. Он быстро скрыл свои эмоции, успокоившись:

— Откуда мне знать, кто дал это имя? Все дела главы семьи Линь решал сам старый господин, другие не вмешивались.

Изменения в выражении лица Линь Сы не ускользнули от взгляда Синьян, даже если его удивление было мимолётным. Она вздохнула:

— Я говорила Ло Цин, что наш ребёнок будет очень послушным, и мы можем назвать его Сяо Гуай. Если он не будет послушным, ничего страшного, просто назовём его Сяо Гуай, и он станет послушным.

— Ваше Высочество шутите. Почему вы всегда считаете чужих детей своими? Разве Линь Сян не хороша? — спросил Линь Сы.

— Она хороша. Настолько хороша, что выдала твоё местонахождение. Ты жалеешь, что отправил её ко мне, чтобы я относилась к ней как к родной? Ты сам себе подложил камень. Справедливо? — Синьян насмеялась.

Линь Сы оставался невозмутимым:

— Я просто излагаю факты. Верить или нет — это ваше дело.

— Ты придерживаешься своей версии, а я — своей. Время позднее, отдыхай. Когда ты выйдешь, возможно, увидишь империю под властью клана Су.

Синьян не задержалась. Весёлые дела никогда не были её интересом. Выйдя, она увидела Цзин Хун, играющую на цине. Она остановилась, посмотрела на неё и усмехнулась:

— Такие женщины действительно редки.

Подобные слова Цзин Хун слышала много раз, но из её уст они звучали с насмешкой. Она не понимала, почему, но Синьян ушла, не оглядываясь.

Она осталась стоять на месте, не зная, что сказать. Лёгкая решительность в Синьян была привлекательной, она не смотрела на людей свысока из-за их внешности, в отличие от льстивых жителей Лояна.

Люди такие: если их кто-то ублажает, они не обращают внимания, а если их игнорируют, они начинают считать этого человека особенным.

***

После утренних аудиенций императрица Мин разошлась, и Му Нэн достал из рукава пачку приглашений, раздавая их всем присутствующим.

Вместо того чтобы отправлять слуг разносить их по домам, он решил сделать это сам после утреннего приёма, чтобы всё было быстро и эффектно. Все эти притворщики получили свои приглашения.

Восьмой князь, получив приглашение, покачал головой:

— Моя внучка уже выросла, а твоя А-Лян только собирается выйти замуж. Я всё же опередил тебя.

Чанлэ, услышав это, скривила губы, глядя на своё приглашение, и едва осмелилась посмотреть на сестру. Она отступила в сторону, но не успела, как Синьян ухватила её и прошептала на ухо:

— Давай заключим сделку, хорошо?

Сердце Чанлэ ёкнуло, и она спрятала приглашение в рукав:

— Какую сделку?

— Если свадьба Му Лян и Линь Жань не состоится, я помогу тебе жениться на Цинь Вань. Как насчёт этого?

Синьян понизила голос, наблюдая, как Му Нэн раздаёт приглашения министрам, а он, сияя, намеренно игнорирует её недовольство.

Наконец, Му Нэн протянул ей её приглашение с широкой улыбкой:

— Синьян, милости просим повеселиться. Я много сделал для твоей свадьбы с Ло Цин, не забывай об этом.

— Конечно, когда ты и сестра Ло поженились, А-Лян была ещё ребёнком, бегала вокруг вас, и это было так забавно.

Чанлэ пошутила, её лицо напряжено, чтобы скрыть смех.

Когда Синьян женилась на Ло Цин, она ещё не захватила Лоян, и Му Нэн привёл А-Лян, чтобы она позвала их сёстрами. Девочка одиннадцати-двенадцати лет, знающая этикет, не боялась незнакомцев, вежливо поклонилась, и Ло Цин похвалила: «Дядя Девятый, такой грубый, а воспитал такую нежную дочь».

Тогда Чанлэ тоже была там, и, вспомнив это, она не смогла сдержать смеха. Если бы Ло Цин знала, что нежная дочь дяди Девятого так погубила её дочь, не выскочила бы она из могилы с мечом, чтобы погнаться за дядей?

Приглашение оказалось в руках Синьян, как раскалённый уголь. Принять его она, конечно, не могла, но и отказаться тоже было бы без причины.

После паузы Чанлэ взяла приглашение вместо неё, улыбнувшись:

— Конечно, мы придём. Пусть Линь Жань приготовит чай для приветствия.

— Чай? Какой чай? — Му Нэн прищурился. Он вырастил ребёнка, и она будет подавать чай ему, кому же ещё?

Он не признавал этого, и Чанлэ не могла ничего сказать, но, посмотрев на него, не выдержала:

— Ты так уверен в Линь Жань, не боишься, что она потом возьмёт кого-то ещё?

— Если она посмеет, я сломаю ей ноги. В брачном свидетельстве записано, что наложниц брать нельзя.

Му Нэн одним предложением отрезал, он уже всё подготовил, боясь, что Синьян передумает.

Чёрным по белому, отрицать бесполезно.

Чанлэ поперхнулась:

— Тебе уже под пятьдесят, и тебе не стыдно обижать детей?

<http://bllate.org/book/16862/1553884>